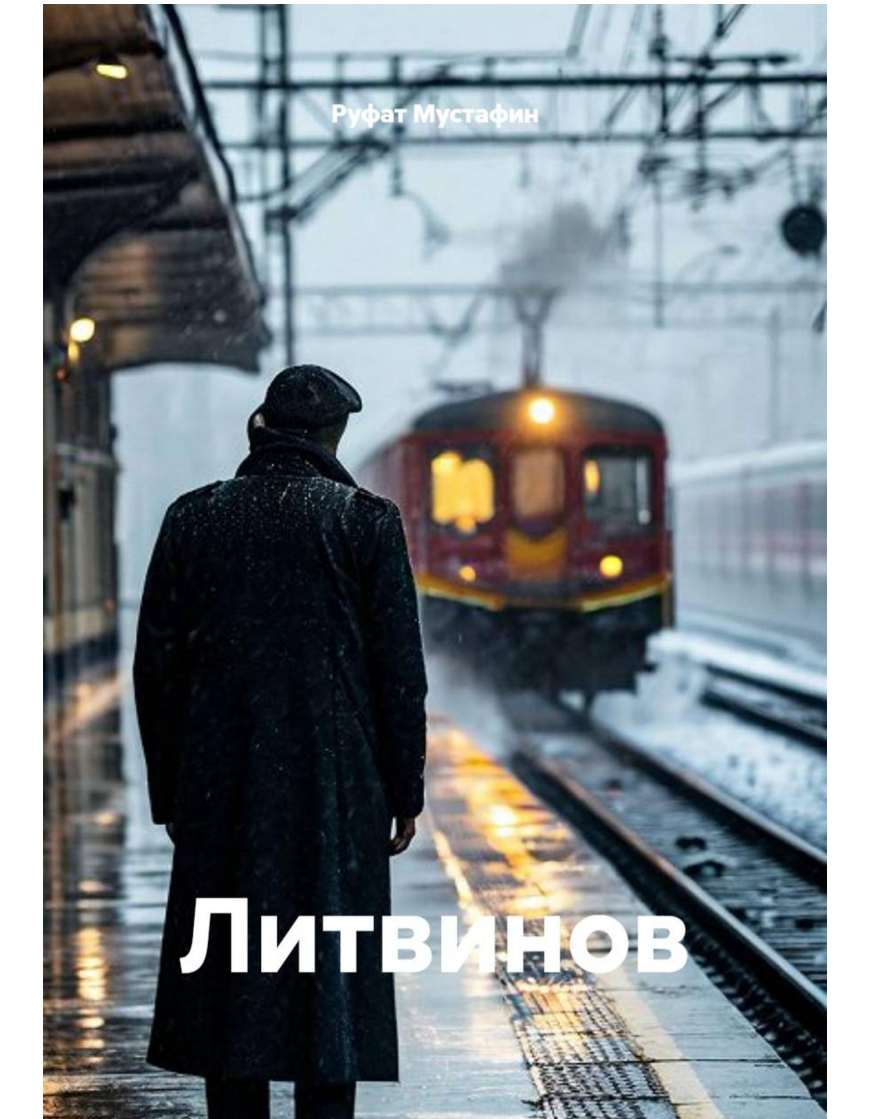

A person wearing a dark, heavy coat and a cap stands with their back to the camera on a wet train platform. In the background, a red train with its headlights on is approaching. The scene is set in the rain, with water reflecting the lights on the platform and tracks. The overall mood is somber and contemplative.

Руфат Мустафин

ЛИТВИНОВ

Руфат Мустафин ЛИТВИНОВ

<https://litres.ru/74190394>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вниз? Вверх? Ты не помнишь, почему двадцать лет ставил её так, как ставил. Ты просто делал. Это было удобно. Это было правильно.

Но однажды правильное перестаёт быть твоим.

Перед тобой две дороги. Одна — яркая, с деньгами и обещаниями. Другая — тихая, без будущего, с руками, которые чистят мёртвый фонтан. Ты должен выбрать. Но каждый раз, когда ты почти выбираешь, ты чувствуешь, что оба выбора — предательство себя.

И тогда происходит невозможное. Ты перестаёшь выбирать. Ты застываешь между. И в этой нестерпимой пустоте между двумя жизнями вдруг рождается что-то третье. Что-то, что не было ни там, ни там. Что-то новое, что отменяет сам выбор, потому что оно важнее.

Оно не знает названия. Оно не знает, куда идти. Оно просто дышит. И этого достаточно.

Роман о том, как невыносимая тяжесть выбора освобождает. О том, как тишина становится громче слов. О том, что иногда, чтобы

найти себя, надо перестать искать и просто стоять на перроне,
пока поезд уходит.

Содержание

ГЛАВА 1. ЩЁТКА ВНИЗ	5
ГЛАВА 2. РУКИ В ВОДЕ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Руфат Мустафин Литвинов

ГЛАВА 1. ЩЁТКА ВНИЗ

Город N. просыпался неохотно.

Серое небо висело над крышами, как мокрое одеяло, которое никак не могли высушить. Трамваи начинали свой утренний грохот ещё до того, как Литвинов открывал глаза. Сначала гул — низкий, тягучий, похожий на вой больного зверя. Потом лязг — железо о железо, резкое, будто кто-то бил пустыми вёдрами по рельсам. Потом тишина. И снова гул.

Литвинов лежал с открытыми глазами. Потолок был белым, но казался серым, потому что за окном было серо, и в комнате было серо, и в голове у Литвинова было серо. Он знал, что сейчас, ровно в 7:15, он встанет, пойдёт в ванную и почистит зубы. Он делал это каждый день. Он не знал, почему именно 7:15. Просто так сложилось. Много лет назад он проснулся в 7:15, и с тех пор это время стало его временем. Фатализм, подумал он однажды, и сам удивился этому слову. Он не любил умных слов. Они ничего не меняли.

Он поднялся. Ноги ступили на холодный пол. Ламинат скрипнул под левой пяткой — то же место, тот же звук, двадцать лет. Литвинов не замечал этого скрипа. Он давно перестал его слышать, как перестают слышать тиканье часов, которые висят в каждой комнате, но которые никто никогда не заводит.

Ванная была маленькой. Кафель на стенах пожелтел, но Литвинов не видел этого. Он видел только то, что нужно было видеть: зеркало, раковина, стакан с зубной щёткой.

Он взял щётку. Движение было автоматическим. Пальцы знали, как взять, как сжать, как поднести к пасте, как выдавить ровно полоску — не больше и не меньше. Он чистил зубы, глядя в зеркало. В зеркале был мужчина с тусклыми глазами. Волосы русые, с проседью на висках, хотя ему только тридцать пять. Лицо без выражения. Ни улыбки, ни печали. Просто лицо. Как у человека, который ждёт автобус и не знает, куда ему нужно ехать.

Он прополоскал рот. Поставил щётку в стакан. Щетиной вниз.

Он ставил её так всегда. Двадцать лет. Потому что однажды, кажется, в какой-то передаче, сказали, что на щетине

скапливаются бактерии, если она стоит вверх. Или если стоит вниз? Он уже не помнил. Он просто запомнил, что надо ставить так, как он ставит. И ставил. Каждый день. Без сомнений. Без вопросов.

Он вышел из ванной, прошёл на кухню. Сварил кофе. Чёрный, без сахара. Он не любил чёрный кофе, но пил его, потому что так было правильно. Он не помнил, кто сказал ему, что чёрный кофе полезнее. Врач? Блогер? Коллега? Не важно. Важно, что он пил его каждый день и каждый день чувствовал горечь, но не замечал её. Горечь стала частью утра, как серое небо и скрип ламината.

Он надел пальто. Вышел из квартиры. Дверь захлопнулась с глухим стуком. Он не обернулся. Он никогда не оборачивался.

Улица была мокрой. Вчера шёл дождь, и теперь асфальт блестел под ногами, отражая небо, которое не хотело становиться ни синим, ни даже просто ясным. Литвинов шёл к трамвайной остановке. Мимо проплывали лица. Он не смотрел на них. Он смотрел на свои ноги, на блестящий асфальт, на то, как его отражение растягивается и сжимается в лужах.

В трамвае он сел у окна. Рядом с ним села женщина с авоськой, полной моркови. Он посмотрел на морковь. Оран-

жевая. Яркая. Слишком яркая для этого утра. Он отвернулся.

На работе — мэрия — его ждал кабинет с высокими потолками и гулкими коридорами. Пахло бумагой, старым деревом и пылью. Литвинов сел за стол, включил компьютер. На мониторе загорелась заставка — синий экран с белыми облаками. Он смотрел на облака несколько секунд, потом открыл электронную почту.

Там было письмо.

Тема: Документы по «Круглому саду»

От: Потугин А.В.

Он открыл письмо. Текст был коротким:

Литвинов, парк на окраине — вопрос решённый. Готовь документы к подписанию. Срок — завтра. А.П.

Литвинов перечитал письмо дважды. Парк. «Круглый сад». Он знал это место. Там росла старая липа, которую никто не помнил, но которая цвела каждую весну жёлтым, липким, пьяным цветом. Там был фонтан, который не работал уже лет двадцать. Там никто не гулял, потому что парк был заброшен, как всё старое в этом городе.

«Вопрос решённый», — прочитал он снова. Он закрыл письмо, открыл документ на рабочем столе. Там были расчёты. Там были цифры. Там была прибыль. Там был торговый центр, который построят на месте парка. Там были налоги, рабочие места, прогресс.

Литвинов посмотрел на цифры. Они были правильными. Все сходилось. Он знал, что Потугин прав. Парк не приносил денег. Городу нужны были деньги. Это было логично. Это было правильно.

Он закрыл документ. Открыл новое окно. Написал ответ:

«Документы будут готовы. Завтра принесу на подпись».

Он отправил письмо. Экран погас, и на нём снова загорелась заставка с облаками. Литвинов откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Он попытался представить парк. Липу. Фонтан. Но вместо этого он увидел серый цвет. Тот же самый, что был утром в ванной. Тот же самый, что был у него в голове.

Он открыл глаза. На столе лежал планшет. Потугин прислал его, чтобы Литвинов провёл инвентаризацию парка пе-

ред сносом. Формальность. Задание, которое не имело смысла, но которое нужно было выполнить.

Литвинов взял планшет. Встал. Вышел из кабинета.

В коридоре его догнал голос:

— Литвинов, ты уже уходишь?

Он обернулся. Секретарша, молодая девушка с ярко-рыжими волосами, смотрела на него с любопытством.

— Инвентаризация, — ответил он. — «Круглый сад».

— А, тот парк, — она махнула рукой. — Там давно никто не был. Только бомжи и дети. Или уже нет детей. Не знаю.

Она улыбнулась. Он не ответил на улыбку.

Он вышел на улицу. Снова серость. Снова мокрый асфальт. Он двинулся к окраине. Он не знал, зачем он идёт. Он знал только, что надо выполнить поручение. Он всегда выполнял поручения. Он был хорошим исполнителем. И внутри, где-то глубоко, эта мысль причиняла ему боль. Но он не давал себе времени понять, почему.

Парк действительно был заброшен.

Кованая ограда проржавела, но ещё держалась. Ворота были открыты настежь — их кто-то сорвал с петель и бросил в кусты. Литвинов вошёл внутрь и остановился.

Здесь было тихо.

Тишина была странной. Не городской тишиной, где всё равно что-то гудит за стеной, а настоящей, густой, почти осязаемой. Литвинов слышал своё дыхание. Потом шаги по гравиию. Хруст. Он посмотрел под ноги. Дорожка была усыпана прошлогодними листьями, которые смешались с землёй и превратились в коричневую, влажную кашу.

Он поднял голову. Деревья стояли голые, но не мёртвые. Ветви тянулись к небу, как пальцы, которые просят о чём-то, что невозможно получить. В центре аллеи он увидел фонтан.

Фонтан был старым. Чугунная чаша, выщербленная временем. В центре — фигура мальчика с рыбой. Рыба давно лишилась хвоста, а мальчик — головы. Но фонтан всё ещё стоял, и в его чаше была вода. Не чистая. Мутная, зелёная, с плавающими листьями.

Литвинов подошёл ближе. Он хотел сделать фотографию

на планшет, как требовала инструкция. Но его палец замер над кнопкой.

— Вы тоже пришли смотреть на него?

Голос был женским. Тихим. Спокойным. Литвинов вздрогнул и обернулся.

Женщина стояла у фонтана. Она не подходила к этому месту. Светлый плащ, светлые волосы, собранные в небрежный пучок. Ей было около сорока. Она стояла на коленях и руками, без перчаток, без щётки, без инструментов, выгребала из воды листья и мусор. Рядом стояло ведро, наполовину полное грязной воды и коричневой жижи.

Он смотрел на её руки. Они были красными от холода. Ногти были обломаны, кожа потрескалась. На запястье висел старый браслет с потёртым камнем. Она не обращала на него внимания. Она продолжала чистить.

— Зачем? — спросил он.

Голос прозвучал грубее, чем он хотел. Она подняла на него глаза. Цвета мутного чая. Нет, не чая. Скорее осеннего леса после дождя.

— Что «зачем»? — спросила она.

— Зачем вы это делаете? — он кивнул на воду. — Его всё равно снесут.

Она смотрела на него несколько секунд. Она не улыбалась. Но в её глазах не было злости. Только спокойствие. Какое-то неправильное, неестественное спокойствие. Как будто она знала что-то, чего не знал он.

— Он стоял здесь, — сказала она. — Когда мой дед был мальчишкой. Он тоже чистил этот фонтан. Потом я была девочкой, и я играла здесь. А теперь я — взрослая. И я прихожу сюда.

— Но его снесут, — повторил он.

— Да, — она кивнула. — Снесут. Но пока он стоит — я здесь. Когда его не станет, и меня, наверное, не станет. Не той, кем я была.

Она снова опустила руки в воду. Литвинов стоял и смотрел на неё. Планшет в его руке был холодным, мёртвым. Её руки были холодными — он видел это по красноте, — но они были живыми. Он смотрел, как она вынимает из воды мокрые листья, кладёт их в ведро, снова опускает руки. И в

этом движении не было ни спешки, ни цели. Просто то, что надо делать. Просто присутствие.

Он хотел спросить, как её зовут. Но слова застряли где-то в горле. Он не знал, как спросить. Он не знал, имеет ли право спросить. Зачем спрашивать имя женщины, которую он никогда больше не увидит? Зачем впускать в свою жизнь что-то, что не имеет отношения к отчётам и цифрам?

Он развернулся и пошёл к выходу. Каждое движение давалось ему с трудом. Он чувствовал, как что-то в нём сопротивляется уходу, что-то хочет остаться, сесть на скамейку, просто смотреть на воду и на её руки. Но он ушёл.

На улице он остановился. Посмотрел на планшет. Он не сделал ни одной фотографии. Не выполнил задание.

Надо было вернуться. Он не вернулся.

Он пошёл в мэрию. Быстрым шагом. Не оглядываясь.

Вечером он сидел на кухне. Смотрел на чашку с остывшим чаем. На дне плавал пакетик. Он смотрел на него, но не видел. Перед глазами стояли её руки. Красные. Холодные. В грязной воде. И её глаза.

«Пока он стоит — я здесь».

Он закрыл глаза. Потом открыл. Встал. Пошёл в ванную. Взял щётку. Поставил её в стакан. Щетиной вниз.

Он не знал, зачем он это сделал. Он просто сделал. Как делал всегда.

Но в этот раз он задержал руку на мгновение дольше, чем нужно. Он посмотрел на щётку. На то, как она стоит. Вертикально. Правильно. Как двадцать лет назад.

Ему показалось, что щётка стоит неправильно.

Он вышел из ванной. Не оглядываясь.

В ту же ночь, когда Литвинов лежал с открытыми глазами и смотрел на серый потолок, в его рабочем планшете, который он забыл на столе, светился текст. Это была часть докладной записки Потугина, которую тот написал для областного совещания. Литвинов никогда не открывал её, но текст сам загрузился, когда планшет синхронизировался с сервером.

Там было написано:

«...мир, в котором мы живём, детерминирован. Каждое событие имеет причину. Каждый выбор — результат предыдущих обстоятельств. Мы верим, что мы свободны, но наша свобода — лишь иллюзия, созданная сложностью связей, которые мы не в силах проследить. Однако есть одно «но». Есть наблюдатель. Тот, кто смотрит. Тот, кто чувствует, что мир мог бы быть иным. Тот, кто застывает над выбором на мгновение дольше, чем нужно...»

Планшет погас через минуту. Литвинов не видел этого текста. Но где-то внутри, в глубине его серой пустоты, слова уже отзывались. Как эхо в пустом коридоре.

ГЛАВА 2. РУКИ В ВОДЕ

Ночь прошла, как всегда. Литвинов спал плохо. Он ворочался, сбивал одеяло, просыпался от того, что сердце кололось, и он не мог понять почему. Потом засыпал снова. И снова просыпался. В голове была каша. Он не мог выкинуть из неё образ женщины у фонтана. Её руки. Её глаза.

В 7:15 он встал, как всегда. Сходил в ванную. Почистил зубы. Поставил щётку щетиной вниз. Как всегда. Кофе. Как всегда. Чёрный, без сахара. Как всегда.

Но в этот раз он заметил вкус. Горечь. Сильная, резкая, неприятная. Он поморщился и вылил остатки в раковину.

На работу он шёл медленнее, чем обычно. Смотрел по сторонам. Люди шли на работу, везли детей в школу, покупали хлеб в ларьках. Всё как всегда. Только он сегодня был не как всегда. Он не знал, что с ним.

Он зашёл в кабинет, включил компьютер. Заставка с облаками загорелась, потом погасла. Он открыл почту. Новых писем не было. Он открыл документ с расчётами по парку. Посмотрел на цифры. Они были правильными. Он закрыл документ.

Он снова взял планшет. На экране была инструкция: «Провести фотофиксацию объектов, подлежащих сносу. Сделать не менее 15 снимков. Составить акт».

Он не сделал ни одного снимка вчера. Надо было идти снова.

Он вышел из кабинета. В коридоре он встретил Ирину.

Она шла навстречу, и весь коридор изменился. Свет стал ярче, краски — насыщеннее, даже запах казённой бумаги отступил перед её духами — терпкими, сладкими, чуть пряными. Она была в чёрном платье, которое сидело на ней так, будто было сшито специально для этого коридора. Длинные каштановые волосы, крупные серьги, ярко-красная помада.

Ирина была из Москвы. Она приезжала в город N. по делам, и всё здесь вращалось вокруг неё, когда она появлялась. Она была красивой той красотой, которая не просит разрешения, которая просто заявляет о себе. Красотой женщины, которая знает, чего хочет, и берёт это без сомнений.

— Литвинов! — она улыбнулась ему, и улыбка была ослепительной. — Живой свидетель застоя. Как дела? Парк наш подписал?

Он остановился. Она была близко — слишком близко. Он чувствовал её запах, видел линию губ, блеск в глазах. Она была как удар тока. Как электричество, от которого немеет язык.

— Сегодня подпишу, — ответил он.

— Молодец, — она легко коснулась его плеча. — Ты всегда был надёжным. Я ценю это. В Москве таких, как ты, — раз-два и обчёлся.

Она говорила о Москве так, будто это был рай. Будто всё, что происходило в городе N., было лишь предисловием к настоящей жизни, которая где-то там, за пределами серого неба и мокрых трамваев.

— Мы устроим там настоящий проект, — продолжила она. — Торговый центр, стекло, алюминий, подсветка. Никакой этой... как её... унылости. Ты же хочешь жить в нормальном городе, Литвинов? Ну, ответь.

Она смотрела на него. Он хотел сказать «да». Он открыл рот, чтобы сказать «да». Потому что это было правильно. Потому что это было логично. Потому что она была красивой, а красивые женщины говорят правильные вещи.

Но он вспомнил руки в воде. Красные. Холодные. Без маникюра. Без перчаток.

— Я... — начал он.

— Всё, — она легко хлопнула его по плечу. — Ты серьёзный парень, Литвинов. Не переживай, мы всё решим. Иди, работай.

Она ушла. Шаг её каблучков отдавался в коридоре, как удары сердца, которые стучат громче собственных мыслей. Литвинов стоял несколько секунд, глядя ей вслед. Потом развернулся и пошёл к выходу.

Он знал, что не должен идти в парк. Он знал, что должен подписать бумаги и забыть. Но он шёл.

Он вошёл в парк снова.

Тишина была та же. Гравий хрустел под ногами. Прошлогодние листья пахли гнилью и чем-то сладким. Он прошёл по аллее до фонтана.

Она была там.

Та же женщина. Тот же светлый плащ. Она сидела на скамейке рядом с фонтаном и ела яблоко. Рядом на скамейке лежала книга — старая, в потёртой обложке. Он не видел названия.

Она не удивилась, увидев его. Она просто подняла глаза и сказала:

— Ты вернулся.

Он не знал, что ответить. Он просто подошёл и сел на другой конец скамейки. Не близко. Но недалеко.

— Я не спросил твоего имени, — сказал он.

— Ты и не должен был, — ответила она.

Это сбило его с толку. Он привык к объяснениям, к формулировкам, к структуре. А здесь была просто тишина. И яблоко. И она.

— Татьяна, — сказала она через минуту.

Она откусила от яблока. С хрустом. Сок выступил на губе. Она не вытерла его. Просто сидела и жевала, глядя на пустой фонтан.

— Зачем ты сюда ходишь? — спросил он.

Она посмотрела на него с лёгкой усмешкой.

— Я не помню, — сказала она. — Я просто хожу. Наверное, чтобы быть здесь. Пока есть где быть.

— А что будет, когда снесут?

Она пожала плечами. Жест был лёгким, почти небрежным. Но что-то в нём было такое... смиренное. Как у человека, который уже знает ответ, но не хочет его произносить.

— Я перестану сюда ходить. И стану чуть меньше себя.

Он смотрел на неё. Она доела яблоко. Огрызок положила на скамейку. Достала из кармана бумажный платок и медленно, тщательно вытерла пальцы.

— Ты из мэрии? — спросила она.

— Да, — он кивнул.

— Ты будешь подписывать бумаги? — она не смотрела на него, но он чувствовал, как она ждёт ответа.

— Да, — сказал он.

Повисла пауза. Она посмотрела на фонтан.

— Он был красивым, — сказала она. — Раньше. Там был мальчик с рыбой. Я думала, он поймал её. А потом, уже взрослой, я поняла, что он её не поймал. Он просто держит. И она уплывёт, если он разожмёт руки. Наверное, он боится разжать руки. Боится, что она уплывёт. Но она уже мёртвая.

Литвинов смотрел на статую. Мальчик без головы, рыба без хвоста. Вода зелёная, неподвижная.

— Ты думаешь, он держит её потому, что боится? — спросил он.

Она повернулась к нему и посмотрела прямо в глаза. Тихо. Спокойно.

— Я думаю, он держит её, потому что не знает, что делать, если разожмёт руки, — сказала она. — Пустота страшнее, чем мёртвая рыба.

Он хотел сказать что-то. Что-то умное, правильное. Что-то, что доказывало бы, что он понимает. Но он ничего не

сказал.

Она встала. Собрала ведро, тряпку, книгу. И пошла к выходу.

— Татьяна, — окликнул он.

Она обернулась.

— Я... — начал он. — Я приду завтра.

Она не улыбнулась. Но в её глазах что-то дрогнуло. Что-то тёплое, почти незаметное.

— Я буду здесь, — сказала она. — Я всегда здесь.

Она ушла.

Литвинов остался один. Он сидел на скамейке и смотрел на фонтан, на зелёную воду, на статую без головы. И думал о том, что она сказала про мальчика.

«Он боится разжать руки».

Литвинов посмотрел на свои руки. Руки чиновника. Руки, которые подписывают документы и ставят щётку в стакан.

Руки, которые не держат рыбу, потому что боятся, что рыба уплывёт. А может быть, боятся, что она останется живой, и тогда придётся заботиться о ней.

«Пустота страшнее, чем мёртвая рыба».

Он закрыл глаза. И в темноте увидел её. Руки в воде, красные, холодные, живые. И почувствовал, как что-то внутри него, что-то, что он считал мёртвым, зашевелилось. Больно. Страшно. Но зашевелилось.

Он вернулся в мэрию поздно. Кабинет был пуст. На столе лежали бумаги. Документы на подпись.

Он сел, взял ручку, открыл папку. Взял документ.

И замер.

Ручка была в руке. Но он не мог написать. Не мог.

Он смотрел на бумагу, на сухие строчки. «Акт о сносе объекта культурного наследия»... «торговый центр»... «прибыль»...

Слова были правильными. Логичными. Практичными. Ирина — красота, деньги, лёгкость. Потугин — мудрость,

правильность, порядок.

«Он боится разжать руки».

Он убрал ручку. Закрыв папку.

Ночью он лежал на диване. За окном шумел город. Трамваи давно не ходили. Было тихо. Только редкие машины проезжали по мокрой улице, оставляя за собой след, который исчезал через секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.